

АНДРЕЙ ПЕТРОВ

ДЕЛО СЕМЕЙНОЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

СЛУЖБА ПАРА-КРИМИНАЛИСТИКИ

Андрей Петров

Дело семейное

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73178763

SelfPub; 2026

Аннотация

Добро пожаловать в Слайт, циклопический город-государство недалёкого будущего, где высокие технологии, чёрная магия и повседневная жизнь сплелись воедино. Здесь люди живут бок-о-бок с инфернальными чудовищами, призраками и чужаками из параллельных миров, и зачастую подобное соседство сулит рядовому обывателю одни лишь беды.

Именно в этом городе греховных тайн и пугающих откровений начинается история Кайла Йорма Эуроникса, офицера Департамента Благополучия Человека – института, что стоит между простыми гражданами и ужасами потусторонних царств, старающихся во что бы то ни стало совратить и разрушить людскую душу.

Впрочем, сотрудники знаменитого отдела паракриминалистики, поклявшиеся словом и делом защищать цивилизованное общество от тьмы, и сами не столь безгрешны, какими хотели бы казаться. Потому-то борьба с собственными внутренними демонами подчас оказывается куда опаснее, чем сражения с демонами извне...

Содержание

1	5
2	12
3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Андрей Петров

Дело семейное

«Бог не может быть везде одновременно – поэтому он создал матерей».

(Иудейская пословица)

1

– Сынулик, у тебя сигаретки не найдётся?

Кайл Эуроникс нехотя обернулся: в нескольких метрах от него, застенчиво выглядывая из-за обгаженных чайками и вороньём мусорных баков, топталось существо, облачённое в драный мешок из-под картошки, в верхней части которого оно предусмотрительно проколупало два широких смотровых отверстия. Покрытые мокнущими язвами ноги-тростинки, втиснутые в бурые от грязи и фекалий детские резиновые сапожки с неоновой подсветкой, довершали гротескный образ городского юродивого.

– Не найдётся, – мрачно бросил Эуроникс. – Не курим мы, спортсмены-то.

Кряхтя и охая, нищий проковылял вперёд, склонил голову набок и заискивающе воззрился на оперативника.

– Сыночка, – Было в голосе бродяги что-то, отчего на Кайла волной накатила дурнота, – зачем лукавишь? Чую, есть у тебя сигаретки. Может, и копеечкой с дедушкой поделишься, м-м?

Под тихий стрёкот сотен микромоторов, доносящийся из сочленений боевого протеза руки, оперативник размашисто извлёк из-под плаща отливающий хромом револьвер, шестизарядный «Гилдер Марк V-II». Едва соприкоснувшись с кибернетической ладонью, оружие моментально распознало

«родные» датчики, о чём возвестило коротким торжествующим писком.

– Тебе ж, падла, ясно сказали, – процедил Кайл, чувствуя, как от пристального взгляда попрошайки у него начинает ломить в затылке. – Пшёл вон отсюда, иначе я тебе не только жопу прострелю, но ещё и арбитрам сдам. Они тебя разом в дурдом определяют.

Не ожидая такого ответа, псайкер¹ отшатнулся и злобно засипел. От его былой неуклюжести не осталось и следа: подбрав волочащиеся по слякоти лохмотья, он кошкой скакнул назад и выбросил вперёд заскорузлую, покрытую волдырями и струпьями пятерню. Промеж артритных пальцев бесновались крохотные алые молнии.

– Эй ты, хуйло позорное. – Эуроникс резким движением крутанул массивный барабан, и «Гилдер» лязгнул, обрабатывая состав обоймы. – Третий раз повторять не стану.

Угроза не подействовала: холод, голод, вши и крепнувший психоз толкнули бродягу на отчаянный выпад. Спотыкаясь, он с визгом бросился на Кайла, выставив крючковатые лапищи на манер того, как это делает неясить, пикируя на снующую в озимых хлебах полёвку.

Полы тёмно-серого бронеплаща взметнулись вверх, укрывая владельца от пущенного в него шального электрического

¹ Псайкер – существо (в данном контексте – человек), обладающее одной или несколькими парапсихическими способностями: телекинез, предвидение, телепатия и т.д.

разряда; композитный сплав, вшитый в подкладку, с урчанием поглотил энергию, весьма обескуражив этим нападавшего.

Издав нечленораздельное мычание, дед кинулся было наутёк, но тотчас схлопотал мощный хук в лицо. Сила удара у механической руки была такая, что псайкера отшвырнуло на добрых три метра, и тот, завывая, рухнул на бетон.

– У-у, блядь!– Скрючившись, бомж ухватился за мешковину в районе головы, где стремительно расплзлось бурое пятно. – Пи-идор! Нос мне сломал! Ой-ой...

На него бесстрастно уставилось черное дуло штурмового пистолета. Перейдя в боевой режим, «Гилдер Марк V-II» вытянулся вдвое.

Звонко пёрнув от ужаса, попрошайка лишился чувств.

– Кайл!

Зашуршала, оживая, крошечная рация в ухе, и в гомон бранящихся операторов вклинился суровый тон шефа. Тон, от которого, вероятно, покраснел бы и вековой дуб.

Честное слово, ймей хлёсткая пощёчина словесный эквивалент, она бы звучала именно с такой интонацией.

– Долго ты собираешься измываться над местными уродцами? – холодно спросила Ева Хольцманд. – Тебе, прости, сколько лет?

– Он первый начал, мэм.

– Что за детский сад? «Он первый»! Ты мог бы попросту скрутить медиума! Что, разве не учили тебя такому в акаде-

мии?

– Мэм, послушайте...

– Я уже вызвала на «Чердаки» отряд «психологов», они заберут нелегала. А ты шуруй на задание, ясно? Эта Нэн-на Штайнер, будь она трижды неладна, откуда-то раздобыла мой телефон, и названивает мне с самого утра. Я уже язык сломала, объясняя ей, что ты у нас – мальчик особенный, посему чхал хотел на дисциплину и пунктуальность!

– Кабы не этот ебнух, то...

– Давайте-ка без выражений, офицер Эуроникс! У нас общая сеть на весь Департамент, да будет тебе известно.

– Мэм!

– Квартира номер шесть тысяч пятнадцать. Вот, она опять мне наяривает, чёрт подери!

В динамике что-то запиликало, и канал с треском переключился на другую частоту, выдав волну отборной матерщины и протяжного воя патрульных сирен. По одной из внутренних линий истерично вопили на арабском, то и дело обзывая кого-то «шармутой».

– Шесть тысяч пятнадцать, – пробормотал оперативник, почёсывая небритый подбородок. Он задрал белокурую голову и принялся отвлечённо рассматривать тусклые огоньки окон, рассыпанные по исполинскому гранитно-серому тулову мегабашни точно утренние звёзды по зимнему небосводу. – Тут же три сотни этажей...

Мегабашня была настолько громадной, что «подмяла»

под себя две улицы, а её восточный жилой блок опасно нависал над грузовым доком и заросшей рогозом заброшенной пристанью. Это была настоящая химера от мира архитектуры, состоящая из хаотичного смешения индустриальных построек, ветхих панельных структур и воздушных коридоров, соединяющих разрозненные части этого реликта постсоветской эпохи. Заблудиться в лабиринте сумрачных галерей и покинутых более полувека назад коммунальных квартир, коих тут были десятки тысяч, было легче, чем ущипнуть себя за ухо.

И где-то здесь, на верхних ярусах этого кишашего крысами и клопами помойного ящика, жила дамочка, с которой нужно деликатно поиграть в рыцаря.

В отважного истребителя чудищ.

Горькая ирония состояла в том, что когда потусторонний мир обращался против человека, и когда следы преступления вели к монстрам или призракам, этими самими «рыцарями» становились рядовые сотрудники отдела пара-криминалистики Министерства Благополучия Человека: хмурые, грубоватые, насквозь прокуренные, циничные и нагловатые парни и девчонки. Вдобавок, едва ли не полностью лишённые прелестей личной жизни ввиду специфики своей профессии.

А ещё – остро страдающие от нехватки финансов – прямо как те самые средневековые странствующие рыцари без кола и двора.

Да, изукрашенных вязью лат они, положим, не носили, но храбрости им было уж точно не занимать; профессия, что называется, обязывала.

– Эй! – Скривившись при мысли, что ему придется трогать эту чумазую обезьяну, Эруникс обернулся к развалившемуся на тротуаре псайкеру. – Если не будешь рыпаться, то...

А того уже и след простыл. Лишь тускло поблескивала на замшелых бетонных плитах россыпь кристаллов психического льда, «визитной карточки» медиумов.

– Вот же шустрый пидарас. – Кайл пожал плечами. – Ладно, не моя печаль.

Он бегло окинул взглядом мрачного вида двор-колодец в форме подковы, мысленно окрестив это место одной из самых сифилисных клоак, в которых ему довелось побывать за время службы в Департаменте.

Всё здесь буквально вопило об упадке и разложении: чахлые ивы возле занесённой песком и шлаковым крошевом детской площадки походили на высохшие и почерневшие скелеты, курганы мокнущего под нескончаемой моросью бытового мусора нависали над парадным входом в мегабашню подобно гротескным монолитам давно сгинувшей цивилизации, а система водостоков была настолько ветхой, что смердящие мочой и химикатами воды затопили добрую половину двора.

Выгребная яма, а не дом.

– Курва. – Устав долбить по кнопке вызова пассажирского лифта, который, как оказалось, застрял где-то на сотых этажах, Кайл с тоской воззрился на обшарпанную пожарную лестницу у подъезда. – И как эти мудилы вообще тут выживают?

Над «Гиблыми Чердаками» сгущались фиолетовые сумерки. Дохнуло ночным хладом запоздалой осени. Запахнувшись в бронеплащ, Кайл раздосадованно крякнул и, шаркая, отправился покорять ржавую, стонущую под напором ветров лестницу.

2

Коридоры были подтоплены, везде разрослись мох и плесень всевозможных цветов. Непуганые, разжиревшие крысы вальяжно сновали от квартиры к квартире, изредка вставая на задние лапки и с любопытством рассматривая потревожившего их пришельца. Единственная кошка, встретившаяся оперативнику у генераторной, с испуганным воплем унеслась в темноту, едва только Эуроникс вскользь задел её лучом фонарика. Она была такая тощая и малахольная, что сама, вероятно, испытывала неподдельный ужас перед чёрными крысиными полчищами.

Сырость, вонь и гниль повсеместно властвовали здесь. Один неверный шаг – и ты по щиколотку увязал в чавкающем месиве из грязи, плесени, размокшего картона и гнилых половиц. Капитальный ремонт, коим в Слайте ведал коммунальный консорциум «Линдстрём и Карпенгер», уже который десяток лет вежливо обходил «Чердаки» стороной. Да и тотальная перенаселённость Слайта не позволяла выдворить шестьсот с лишним тысяч граждан на временные квартиры, дабы городские службы затеяли хотя бы первичную реставрацию аварийного строения.

Впрочем, как знал сам Эуроникс, в управе Слайта на подобные беды привыкли откровенно махать хвостом. Мол, никто не заставляет тебя, родного, жить в говне и паутине, –

уезжай, коли совсем нестерпёж.

Минуя технический этаж, где, судя по зарослям плесени и мха, нога человека не ступала лет эдак тридцать, Кайл увидел презабавную картину: в ответвлении главного коридора, заваленного старой мебелью, детскими колясками и кулями с пластиковым ломом, пиновала компания аборигенов. Чумазые, разодетые в тряпье и рваные комбинезоны дворников, они повременно отхлёбывали из внушительной бутылки с мутным пенящимся напитком, рыгая и хихикая. В углу, на бурых от мочи матрасах, возлежала абсолютно голая деваха, чью голову с кислотно-жёлтыми патлами, уже давно не выдавшими шампуня, частично скрывал полиэтиленовый пакет, испачканный потёками строительного клея. Периодически она, дико вращая пустыми глазищами, приподнимала пакет и так гулко и протяжно пердела, что, казалось, поблизости швартуется пароход, не иначе.

Завидев серый бронеплащ Кайла – признак того, что явился служака Департамента, – люмпены с истошными визгами сорвались с топчанов и, сверкая обгаженными трусами, поспешили скрыться в ближайшей квартире, такой же грязной и пахучей, как и они сами. Их подружка – та самая, что с удовольствием вкушала пары клея и громоподобно пускала ветры – недоуменно воззрилась на оперативника, икнула, смачно испортила воздух и вновь засунула башку в пакет. Её невозмутимости позавидовала бы и античная статуя.

Шпана, члены банд, мигранты, коих на малой родине жда-

ли петля и пуля, конченные наркоманы, проститутки, педофилы и прочее отребье давно облюбовали «Гиблые Чердаки» – некогда элитный район в прибрежной зоне Слайта, выстроенный с одной лишь целью: обеспечить боссам корпораций и их прихлебателям люксовый отдых. Порядка семидесяти лет назад здесь должен был раскинуться доселе невиданных размеров курорт «Луксор Парадисо», но застройщики бессовестно проворовались, что привело к многолетним судебным тяжбам со мстительными корпоратами, инвестировавшими в этот бардак космические суммы.

Десятилетия шли, гигантские стройки встали намертво, и со временем район премиум-класса, под завязку набитый помпезными ресторанами, борделями, казино, дорогими клиниками и пятизвёздочными отелями, превратился в мрачные трущобы, медленно утопавшие в студёных водах залива. Последнему поспособствовало ещё и то, что кто-то из ушлых подрядчиков пренебрёг геодезией, и береговой грунт, осев, вызвал подтопление небоскрёбов.

По пути к верхним жилым блокам Кайлу встретилось множество колоритных персонажей, в числе которых была чета пьяных бурятских шаманов, обитавших в мусоропроводе, толстый, незнамо как втиснутый в шведский национальный костюм сумасшедший, ковырявший в заднице большим пальцем и без конца повторявший фразу «Я только что открыл электричество!», а так же разодетый в чёрный корсет и кружевные чулки пожилой трансвестит. Последний, приняв

Эуроникса за клерка, принялся преследовать оперативника, агрессивно требуя прибавки к пенсии, и нехотя отстал лишь после угрозы отстрелить тому яйца.

Одолев порядка пятидесяти этажей пешком, а затем проехав ещё столько же на скрипящем и лязгающем мусорном лифте, Кайл, пыхтя, наконец достиг системы переходов, где и находилась квартирка пресловутой Нэнны Штайнер, официантки из захудалого суши-бара «Токусацу», что коптил небеса в семнадцати кварталах от «Гиблых Чердаков», в агломерации под названием «Нью-Осака».

Нэнна Изабелла Штайнер. Тридцать один год, разведена. Воспитывает тринадцатилетнюю дочь, отец не установлен. Имеет непогашенный кредит на полугодовые курсы мастера по депиляции. «Серая мышка», каких в Слайте миллионы. Ничего такого, на чём стоит заострить внимание...

Жилище потерпевшей он нашёл лишь с пятой попытки, проплутав по замшелым, дурно пахнущим галереям ещё минут двадцать; искомая квартира притаилась в тёмном закутке между выгоревшей котельной и зияющим чернотой разломом, откуда восходящие потоки горячего воздуха доносили урчание надрывававшихся в подвале мегабашни насосов.

– Кр-рак! Ка-ак!

Крупное взъерошенное животное, напоминающее выпь, с громким клёкотом сорвалось с потолочной балки, где высидывало яйца, и ринулось атаковать оперативника клювом и когтями. Голову существа венчала корона из ветвистых ро-

жек.

– Тьфу, бля!

Схлопотав удар рукоятью «Гилдера» по плешивому огузку, животное заверещало и ретировалось в гнездо, напоследок выстрелив в сторону Эуроникса струёй оранжевого помёта. Секунду спустя из темноты на мужчину злобно уставились два янтарных глаза с вертикальными зрачками.

– Бука, значит. – Кайл брезгливо стряхнул с рукава непромокаемого плаща капли экскрементов. – У-у, скотина!

+Мой гнездо. Ты не ходить! – проворчало создание, пользуясь примитивной телепатией. – Иначе – пизда тебе клевать!+.

Полуобернувшись, дабы пернатый бука не клюнул в спину, оперативник показал темноте средний палец.

+Сам пизда. Развелось же вас, паразитов...+.

Спрятав «Гилдер» за пазуху, Эуроникс было занёс кулак над обшарпанной дверью, но так и не постучал, застыв с поднятой рукой.

На противоположной стене, по соседству с похабными граффити и номерами телефонов, сулящих умопомрачительный отсос, была тщательно выписана комбинация из трёх длинных красных рун в виде мечей или вытянутых крестов. Угловатые, острые, они противоестественным образом приковывали к себе взгляд. На замызганном плиточном полу подле символов было разложено скромное подношение: грилянда из мёртвых полевых цветов, две человеческие фи-

гурки из воска, а так же кусок тухлой свиной вырезки.

Приглядевшись к знакам, Кайл нахмурился, затем фыркнул: то, что он сперва принял за запёкшуюся кровь, на проверку оказалось губной помадой.

– Гойд, – позвал оперативник, тронув едва заметное устройство связи в ухе. – Гойд, картинку прими.

Пыхтение и сухой кашель курильщика возвестили о том, что научный эксперт отдела пара-криминалистики, Клаус Гойд, на связи. Судя по томному голосу, последний опять дрых на рабочем месте после ночного куража.

– Здоров! – Клаус протяжно зевнул. – Эт чё такое?

– Какая-то обрядовая дрянь: приманка или, наоборот, пугач. Явно не детишки накалякали. Надо бы справки навести.

– Кайл, родной, – в голосе Клауса была мольба, – это не может подождать хотя бы до вечера? Я с ночи на отлупах, а на столе – сотня сраных папок с отчетами! Да мне Ева на лицо сядет, если до шести не разгребу хотя бы половину этого говнища. Тебе прям щас?

– Прям щас. У меня задание, хитрожолая ты макака.

– Ладно-ладно, раскопаю... Кайл?

– Чё?

– Ничё. Садист ты!

Не удосужившись ответить на колкость, оперативник закрыл канал.

Намалёванные помадой руны отчего-то вызывали у него тошноту. Совсем как при встрече с нелегальным псайке-

ром при входе на «Гиблые Чердаки». Ментально эти архаичные символы воспринимались как разлагающаяся падаль, покрытая ковром из плотоядных насекомых.

Эуроникс сплюнул.

Сделав глубокий вдох, он трижды постучал по заржавленной поверхности двери, невольно сбив пятнавшие её хлопья застарелой эмали.

Тишина. Лишь охала и стонала этажом выше какая-то бабка.

– В санатории «Уют» старики старух ебут, – тихо напел себе под нос Кайл старую как мир частушку. – Молодежь на них глядит, да от зависти горит... Открывай же ты, курица.

За дверью раздалось звяканье ключей, сегментированный замок чуть приподнялся, и тяжёлая сейф-панель отъехала в сторону на манер створки купе.

На щербатом пороге, запахнувшись в небесно-голубой халатик с рисунком в виде единорогов, стояла искомая «курица». Хрупкая на вид, невысокого роста, белые от перекиси волосы подстрижены под модное нынче рваное «каре», огромные зелёные глаза на бледном лице обрамлены неправдоподобно длинными ресницами.

Прямо-таки фарфоровая кукла. И бледная как привидение. Среди грязи и серости «Чердаков» она увиделась Кайлу увядающим тропическим цветком, семя которого Бог весть как занесли в эту помойку своевольные ветры.

– Добрый день, Нэнна. – Эуроникс протянул хозяйке

квартиры блестящую ладонь. – Кайл Эуроникс, оперативный офицер Департамента. Вас, должно быть, предупредили о моем визите.

Она захлопала ресницам и, чуть помедлив, коснулась холодного сплава тонкими пальчиками. Коснулась – и тотчас же отвела руку, будто опасаясь, что кисть с силой сжатия в пятьдесят атмосфер ринется вперед и сокрушит хрупкое запястье.

– Здравствуйте, – кротко улыбнулась девица, и от этой улыбки у оперативника почему-то заныло под ложечкой. – Прошу прощения, что донимала вашу начальницу звонками, но я попросту не знала куда...

– Пустяки. Вы можете набрать её в любое время, если возникнут какие-либо вопросы.

«Особенно в четвёртом часу ночи, когда она, давеча разведенная, заспанная и злющая, встанет, чтобы уgomонить своего ревушего спиногрыза. – В своих мыслях Эуроникс мстительно захихикал. – И тогда сама галантность заговорит ее устами».

– Позвольте? – Желая поскорее закончить обмен любезностями, мужчина нарочито громко кашлянул в кулак. – Я тут, стало быть, немножко подмерз...

Пролепетав «Конечно-конечно», Нэнна приглашающе махнула рукой в сумрак квартиры. Кайл, деловито вытерев ноги о кудлатый половик, вошёл, и металлическая дверь затворилась за ними с отвратительным лязгом.

Вопреки ожиданиям Кайла о неряшливой, пьющей тётке, в одиночку воспитывающей дочь-подростка на зарплату официантки и копеечное пособие матери-одиночки, интерьер в квартире Нэнны Штайнер приятно удивил: никаких комьев пыли по углам, запах еловой свежести в крохотной прихожей, чистая плитка на полу, кухонная раковина без гор посуды. Две комнатухи – детская и спальня – меблированные старыми кожаными диванами, цветастой детской кроватью, несколькими грубо сколоченными стульями и парой лакированных шифоньеров цвета соли с перцем, являли собой нечто среднее между библиотекой и этнической лавкой: тут и там высились аккуратные стопки брошюр, книг и журналов, соседствующих с декоративными растениями в расписных керамических горшочках и аляповатыми безделушками откровенно эзотерического толка.

Внимание Кайла тотчас привлек цветастый оберег в виде растопыренной лапы, выполненный из осколков обсидиана, птичьих костей и покрытых охряным лаком стеблей шипастого растения; на фоне столь уютного гнёздышка эта вещь показалась Эуроникусу едва ли не зловещей.

– Сами сделали? – брякнул он, изучая прерывистые каракули на отрезе шёлковой тряпицы, обтягивающей амулет. – Любопытное украшение.

– Нет, что вы! – Встав в дверном проёме кухни, чьи окна выходили на древнюю индустриальную пустошь за «Гиблыми Чердаками», Нэнна виновато улыбнулась и отвела

взгляд. – Одна добрая женщина подарила. Я поначалу отказывалась, но она была очень... настойчива, знаете ли.

– Не считите за бестактность, – Заложив руки за спину, оперативник принялся изучать полки с книгами, – но вы что, к знахарке ходили?

– Да, к тётке Саре. Она местная... целительница. Живёт в соседнем блоке. Мне её подружка посоветовала – вот я и рассказала о своей ситуации. – Нэнна зарделась. – Знаете, наши женщины к ней ходят, когда муж запьёт. Или дети часто болеют. Говорят, помогает.

– И много она берёт, эта ваша тётя Сара? Нюрлоков, полагаю, шестьсот-семьсот за сеанс?

Она предпочла промолчать.

– Не кормили бы вы шарлатанов, Нэнна. Это мой вам добрый совет.

Понимающий кивок, но не слишком убедительный.

– Итак, вы утверждаете, что вас с дочерью терроризирует некая потусторонняя сущность, обитающая в квартире. – Кайл окинул внимательным взглядом углы комнаты, словно ожидая увидеть в одном из них притаившегося слюнявого вихта² или склизкий кокон домового. – И это длится уже два месяца кряду. Почему же обратились в Департамент только сейчас?

«Наверно потому, что тоже считает нас, пара-сыщиков,

² Вихт – одна из разновидностей зловредного домового духа, подвид бытовой нежити.

брехунами и шутами гороховыми. – Вспомнив не одну сотню нелестных отзывов о своем ремесле, Эуроникс незаметно улыбнулся краем рта. – Наша слава бежит впереди нас».

Нэнна одарила его взглядом человека, которого терзают кишечные колики. Пару секунд она боролась с собой, а потом её, что называется, прорвало.

– Знаете, я от религии, признаться, весьма далёка, да и в церковь-то отродясь не ходила... но в свете последних событий обила пороги всех ближайших приходов. Была даже в Центре Святого Якоба, что в Марко-Юрьевском Аббатстве, и даже к экзорцистам из Тевтонского Сестринства имени Пресвятой Ксении Заступницы ездила. Бесполезно! Матушка-монахиня вообще обозвала меня бесноватой и вытолкала взащей, когда я рассказала ей о нападениях. Дескать, я так выпиваю, что мне уже черти мерещатся.

– Хотите честно? Обращаться к церковникам – последнее дело. Радуйтесь, что из базилики вас попросту выгнали, а не, улыбаясь, ободрали как липку: рыцари и монашки это охотно практикуют. Приди вы к ним с солидной денежкой, они бы вам руки целовать кинулись – уж поверьте.

– Солидарна с вами, мастер Эуроникс. Но я была в отчаянии.

– Как уже сказал, поберегите свои финансы для более насущных дел, – скривился мужчина. – И давайте-ка без всех этих «мастеров». Зовите меня просто Кайл.

Она кивнула, явно стесняясь такого панибратства.

– Чаю хотите? В смысле, иван-чаю? У меня есть хороший, с морошкой. Мы с дочкой его очень любим.

К иван-чаю Эуроникс питал такую же трепетную любовь, как и к голодающему населению Африки, но, решив, что отказываться всё же невежливо, поблагодарил хозяйку за предложение.

Хотя с большей охотой он махнул бы сейчас стопку кварцевой водки с вяленным болгарским перцем; некая смутная, беспричинная тревога принялась снедать его, едва он переступил порог квартиры, и отделаться от неё никак не вышло. Но была ли вызвана ли она неприятного вида рунами или чем-то иным, чему только предстояло явиться себя, Кайл ответить не мог.

3

– Вы сумели разглядеть существо? Можете его описать в общих чертах?

Они сидели за покосившимся кухонным столом, накрытым пёстрой скатертью с вышитыми на ней картинами деревенского быта, и неспешно попивали из фарфоровых чашечек ароматный, отдающий полем и травами напиток.

– Знаете, это всегда происходило так внезапно, что я...

– Вы уж постарайтесь. – Кайл сделал видимый акцент на последнем слове. – Понимаете ли, тварей, досаждающих нашим согражданам, существует великое множество, и против каждого вида имеются определённые методы борьбы. Важно хотя бы примерно понимать, с чем именно мы имеем дело.

Девушка, тяжело откинувшись на спинку стула, чуть смежила веки. Долго молчала. То ли от нахлынувшего с воспоминаниями страха, то ли от робости перед Эурониксом.

В нескольких кварталах от мегабашни пронёсся грузовой поезд-лезвие³, и кухонный сервиз на столе принялся жалобно позвякивать. Порядка двух минут нельзя было слышать ровным счётом ничего: грохот и трубный рёв работи-

³ Поезд-лезвие – роботизированный ж/д состав, управляемый ИИ. Поезда такого типа зачастую используются для перевозки крупногабаритной военной техники и больших объёмов полезных ископаемых. Получил своё название из-за вытянутой, напоминающей клинок формы вагона-локомотива.

зированной состава заглушали все прочие звуки.

– Пёс, – глухо произнесла Нэнна Штайнер, когда товарняк миновал вокзалы «Гиблых Чердаков». – Обычно оно со спины нападало, или когда мы с Ребеккой спали, но однажды выскочило аккурат передо мной. Просочилось напрямиком из угла кухни.

– Из угла, говорите? – переспросил Кайл, сощурившись. – И имело внешность собаки?

– Да-да, громадная чёрная псина. Что-то вроде добермана или, быть может, мастифа. Простите, я не кинолог, в породах не разбираюсь... В холке метра полтора, как мне показалось. И от него исходил резкий, противный запах реагентов. Может, серой какой повеяло, я не знаю... Так несёт из химотстойников за нашим блоком, в советское время там каучуковый завод стоял.

Удерживая фарфоровую чашечку в кибернетических пальцах, Эуроникс внимательно слушал официантку. Хмуро вглядываясь в бурый настой, он вдруг поймал себя на мысли, что тот вызывает у него стойкую ассоциацию с загустевшей венозной кровью.

– Пару месяцев назад, – продолжила Нэнна, – я задержалась на работе, обслуживала вечерний банкет. Домой вернулась уже после полуночи. Хорошо, что наш бармен подбросил, иначе бы ночевать мне у подруги, а я стесняюсь: у нее на иждивении трое дочерей и пожилой отец-инвалид. Приехала домой, быстро приняла душ, пошла собирать дочери

обед в школу, и тут... – Она, поджав губы, запнулась. – Оно выскочило... нет, просто вынырнуло из угла кухни. Вон там, над шкафчиком с крупами. Какой-то оживший сгусток темноты со светящимися глазищами. Боже, ничего ужаснее я в жизни не видала!

– Выпейте чаю, – Видя, что девушку начинает трясти, Кайл придвинул к ней ополовиненную чашку с остывшим напитком, – и успокойтесь, не стоит так нервничать. Существо тотчас же напало на вас?

– И двух секунд не минуло. Я успела выскочить из кухни, подпёрла дверь тумбочкой, но тварь, выбив в прыжке стекло, повалила меня на пол. Думала, что вот-вот вцепится в горло, но псина только стояла надо мной, рычала и огрызалась. Зубы клацали у самой шеи, я орала от ужаса...

– Вас трясёт, – настороженно заметил Эуроникс. – Всё в порядке?

– Не обращайтесь внимания. Просто перед глазами всё ещё маячит эта... пасть.

Сумерки укутывали «Гиблые Чердаки» подобно мягкому тёмному савану, принося с собой промозглую сырость октябрьской ночи. Сидя за кухонным столом, Кайл вдруг с неприязнью ощутил, как тонкие змейки сквозняка просачиваются к нему под плащ из щелей в кирпичной кладке.

Прямо как то самое чудище, из-за которого он и явился в это Богом забытое местечко.

Нэнна рассказывала свою историю ещё долго, периодически-

ски делая паузы, чтобы промочить горло и облизать пересохшие губы. С её слов Эуроникс понял, что тварь появлялась в квартире едва ли не каждую ночь, но своей жертвой выбрала уже тринадцатилетнюю Ребекку. Судя по скомканному описанию матери, чудовище могло каким-то образом влиять на сон добычи, вводя её в состояние сродни параличу – после чего принималось пить кровь.

– Погодите, я не ослышался? Этот пёс – кровопийца?

– Да, – горестно кивнула Нэнна. – Ребекка вернётся из колледжа, покажет вам следы. Руки, живот, промежность... – Отвернувшись к окну, точно бы ища в осенней ночи поддержки, девушка украдкой отёрла слезу. – Она вся искусана.

– Вас тоже кусали?

– Во сне. Любит где помягче, уродец. Однажды проснулась глубокой ночью, а он скорчился надо мной, чавкает – только уши подрагивают... Да что там, сами взгляните! – Нэнна Штайнер, закатав рукав халата, продемонстрировала Эурониксу отметины на плече и запястье. В середине каждого такого пятна темнел след от крупного клыка, а по краям бугрилась неприятного вида сыпь.

– У дочери такие же следы. Повадился кусать её там. Ну, вы понимаете.

Хмыкнув, Кайл потянулся к керамической пиале с шоколадными конфетами «Москва» и сграбастал самую, как ему показалось, большую. Обуревавший его призрак тревоги и не думал отступать, а после эмоционального рассказа Нэнны

окреп пуще прежнего.

Разжевав конфету, Эуроникс принялся ёрзать на стуле.

– Касательно вашего случая... Откровенно говоря, я в замешательстве.

– П-простите?

– Судя по всему, в квартире обосновался баргест⁴, но ведёт он себя как-то... гм, нетипично. Клиническая картина напоминает повадки гематофага. Вампира, если по-простому.

– Бар... кто?

– Баргест, – терпеливо повторил Эуроникс. – Пёс-призрак, существо частично материальной природы, обитающее в карманном измерении. Та ещё гадина, признаться. Для появления в нашем мире ему как раз таки необходимо пространство, образованное тремя сходящимися плоскостями. Иначе говоря, угол.

– Никогда не слышала ни о чём подобном. Это что-то вроде параллельного мира?

– В широком смысле – да. По-научному карманные реальности именуются «зонами пассивной антиматерии при нулевом уравнении Дирака», но мы в Департаменте называем их просто «зонами». Ну, или «дырками».

– Мне всегда казалось, – Нэнна издала невесёлый сме-

⁴ Баргест – мифическое существо из английского фольклора. Чаще всего принимает вид огромного призрачного чёрного пса с горящими глазами и огромной пастью. Считается, что баргесты появляются там, где было совершено убийство или иное злодеяние.

шок, – что городскими легендами о привидениях, домовых, и жутких чудищах в канализации можно разве что наивную ребятню пугать. – Она вздохнула и взъерошила свои пергидрольные волосы. – Думала, байки, нелепый фольклор...

– Принимаю ваш, мягко говоря, скептицизм. Но, увы, этот незримый мир всегда существовал бок-о-бок с нашим. В наших силах лишь достойно ему противостоять.

– И вы будете удивлены, – продолжил Кайл, – насколько опасны могут быть те же самые домовые. И сколько зла могут причинить человеку. Особенно, когда голодны. Поверьте, это вовсе не те лохматые, обутые в лапти добродушные старички с рождественских открыток. Встреча с домовиком даже для взрослого человека может обернуться увечьями, а уж для ребёнка – смертью. Никогда, часом, не примечали в тёмных коридорах мегабашни эдакие костлявые, долговязые силуэты с длинными ручищами? Их вполне можно перепутать со старой метлой.

– Нет. Стараюсь без надобности не гулять по блоку. Особенно, вечером. И Ребекке тоже не разрешаю. Сами понимаете, какая тут публика.

– Что ж, ваше счастье. Кстати, рядом с квартирой обитает пернатый бука, у него гнездо в вентиляции.

– Оно... Он опасен?

– Не слишком. Но буки переносят инфекции и блох, а если потревожить на гнезде – могут серьёзно ранить. Советую не оставлять мусор в коридоре: зверюшки любят пола-

комиться из помойки, а где обосновался один, там – и целый выводок: они гермафродиты. На периферии Слайта эти создания – настоящее бедствие, ибо гадят, портят и воруют. А ещё владеют задатками бессознательной телепатии, так что ночные кошмары местным жителям обеспечены.

– Ох, тогда не могли бы вы...

– Поверьте, с ними вполне справляются коммунальные службы. Это в их непосредственной юрисдикции.

– Да помнили бы они про нас, эти самые службы... О, вот и Ребекка вернулась!

В замочной скважине зашуршал ключ, натужно скрипнули несмазанные петли, и на пороге квартиры возникла худосочная девчушка, одетая в темно-синий форменный костюм-тройку с нашивками рыбопромышленного колледжа, зимние туфли и парку-пуховик из оранжевой парусины.

На Эуроникса пристально уставились большие влажные глаза цвета полевых васильков.

Девочка была красива: густые русые волосы заплетены в толстую косу, миловидный овал лица скруглен на подбородке, точеные скулы, восхитившие бы любого скульптора эпохи Ренессанса, чуть вздёрнутый нос, по-лебединому тонкая шея. Воздушный образ хрупкой «снежинки» портила лишь нездоровая бледность и исключительная худоба, наводившая мысли о ранней стадии дистрофии.

Под глазами у ребёнка залегали обширные фиолетовые круги, испещрённые паутиной едва заметных вен.

Возможно, шуплость и тонкие кости были свойственны этой семье, но, как бы то ни было, для своего нежного возраста Ребекка Штайнер всё равно выглядела какой-то донельзя оголодавшей и высохшей. Измождённой.

Беспрестанно хлопая длинными ресницами, она бросала тревожные взгляды то на мать, то на оперативника.

– Здрасьте... – услышал Эуроникс её тихий голосок, стремящийся едва ли не к шёпоту.

– Доча, подойди, пожалуйста, – мягко позвала Нэнна. – Не бойся ты так. Это мастер Кайл Эуроникс, офицер Департамента Благополучия Человека. Он приехал нам помочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.